Харабаева Виктория Ивановна

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ КАК РАЗНОПЛАНОВЫЕ КАТЕГОРИИ

Статья раскрывает особенности категории лица и функционально-семантической категории персональности. Внимание уделяется полифункциональности и разноплановости данных категорий, которая проявляется в грамматическом и семантическом аспектах. Категория лица рассмотрена не только как глагольная категория, освещается ее выражение в именах, инфинитивах, а также в субъектно-объектных отношениях. Затрагивается вопрос о функционировании данной категории в синтаксическом и семантико-прагматическом плане. Выявляются тесные связи категорий лица и персональности с другими грамматическими и функционально-семантическими категориями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/12/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (102). С. 147-149. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 811.512.157'36
Филологические науки

Статья раскрывает особенности категории лица и функционально-семантической категории персональности. Внимание уделяется полифункциональности и разноплановости данных категорий, которая проявляется в грамматическом и семантическом аспектах. Категория лица рассмотрена не только как глагольная категория, освещается ее выражение в именах, инфинитивах, а также в субъектно-объектных отношениях. Затрагивается вопрос о функционировании данной категории в синтаксическом и семантико-прагматическом плане. Выявляются тесные связи категорий лица и персональности с другими грамматическими и функционально-семантическими категориями.

Ключевые слова и фразы: категория лица; функционально-семантическая категория персональности; именная категория сказуемости; инфинитив; субъектно-объектная категория; типы предложений; семантико-прагматический аспект; функционально-семантическое поле.

Харабаева Виктория Ивановна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Stabilo.83@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ КАК РАЗНОПЛАНОВЫЕ КАТЕГОРИИ©

Категория лица закрепила за собой статус полифункциональной, многоуровневой категории. Выражение категории лица не является прерогативой только глагола – эта категория проявляется в высказывании в целом.

Категория лица характерна не только для глагола, так как существуют языки, где имя также может спрягаться по лицам. Категория лица у имени представлена, например, в самодийских, большинстве палеоазиатских и тюркских языках. Принятие именами личного показателя превращает их в предикаты, которые в предложении функционируют только как сказуемое. Показатели лица здесь представлены всегда как лицо субъекта, носителя признака. Например: якут. *Эр киһи+бин, тулуйуохтаахпын, ийэлээх быраппар хайаан да дьон баар сирин булларыам* [8, с. 144]. / '*Я – мужчина*, должен вынести, обязательно приведу мать с братом к людной местности' (сказуемое – существительное) (*здесь и далее перевод – В. И. Харабаевой*).

В некоторых языках, например, в португальском, наблюдается наличие личного инфинитива – не личной, т.е. не финитной формы с личными окончаниями. Как указывает К. А. Степаненко, «основной характеристикой личного инфинитива является указание на лицо, т.е. субъект действия, которое передает инфинитив» [10, с. 111]. Например, в предложении *E sucedeu safarem-se osbois* 'И случилось так, что быки убежали' в качестве финитного глагола выступает безличный глагол *sucedeu*, а спрягаемый личный инфинитив употреблен в 3-м лице мн. числа – *safarem-se* [Там же, с. 113].

Лицо также может рассматриваться с синтаксической точки зрения. В синтаксическом строе высказывания выделяются грамматический и семантический субъекты, исходя из этого, указываются определенные типы предложений. У Г. А. Золотовой, например, предложение рассматривается как личное, когда допускается вся парадигма, т.е. 1-е, 2-е, 3-е лицо занимают позицию субъекта [5, с. 311-312]. Предполагаются 3 основных типа предложений по наличию семантического субъекта:

1. Предложения, реализующие все элементы личной парадигмы: *Я читаю, ты читаешь, он читает*.
2. Предложения, реализующие только один элемент парадигмы: *Солнце встает*.
3. Предложения, не реализующие ни один элемент личной парадигмы: *Светает; Похолодало*.

Категория лица в семантико-прагматическом аспекте, т.е. в том аспекте, где семантические функции непосредственно касаются отношения содержания языковых единиц и высказывания в целом к участникам речевого акта и его условиям, также вызывает интерес со стороны исследователей. Прагматические функции форм лица проявляются в различных типах их употребления. Например, в формах 1-го лица мн. числа выявляется широкий спектр прагматических оттенков: а) торжественное «мы», используемое лицами королевского ранга [1; 4]; б) авторское или ораторское «мы»; в) просторечное «мы»: «...говорящий из скромности, скрывая свою личность за другими, может обнаруживать себя в форме 1-го лица множ. числа» [11, с. 463]; г) эмоционально-грубоватое «мы», используемое в оборотах типа *Слыхали мы, Встречали мы* и т.д.

Кроме того, категория лица считается субъектно-объектной [2; 3; 7; 9]. Объектное отношение к лицу в русском языке тесно связано с отношением субъектным в том плане, что выражение лица в объекте «дополняет и поддерживает то выражение семантики лица, которое дано в субъекте» [2, с. 17]. При этом «в сфере лица – объекта наблюдаются явно выраженные признаки периферийности по сравнению с позицией лица субъекта, выступающего в роли подлежащего» [Там же]. Лицо (число) объекта, наряду с лицом субъекта, различают

© Харабаева В. И., 2015

в бакском, картвельском, абхазско-адыгейских, в большинстве палеоазиатских, отчасти самодийских и других языках. В таких языках категория лица объекта получает в словоформе глагола самостоятельное выражение, отдельное от показателей лица субъекта. Ср. фрагменты субъектно-объектной парадигмы ительменского языка: *т-әлчкуз-γин* «я-вижу-тебя», *т-әлчкус-чен* «я-вижу-его», *т-әл-чкус-схен* «я-вижу-вас» и т.д. Все формы здесь соотнесены с одним и тем же субъектом (1-го лица ед. ч.), но с разными объектами [6, с. 272].

Полевое представление категории лица в концепции Санкт-Петербургской грамматической школы позволило квалифицировать ее не только как грамматическую, но и функционально-семантическую категорию персональности, которая имеет свое функционально-семантическое поле (далее – ФСП) [2, с. 5]. Функционально-семантическая характеристика средств выражения персональности дает возможность определять ее как категорию актуализационную, соотносящую с точки зрения говорящего обозначаемую ситуацию и ее участников с участниками речевого акта. Представители функциональной грамматики предлагают рассмотреть категорию лица как ядерное грамматическое средство выражения функционально-семантической категории персональности, которая выходит за рамки форм лица глаголов и личных местоимений. Менее формализованные (периферийные) средства ФСП персональности представляют собой «группировку разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных лексико-грамматических) средств языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу» [Там же, с. 7].

В работах по теории функциональной грамматики подчеркивается связь между другими функционально-семантическими категориями – темпоральностью, модальностью, количественностью, посессивностью, категорией определенности/неопределенности, залоговости и т.д.

Взаимодействие персональности с темпоральностью выражается, например, в сходстве свободного функционирования форм разных лиц и разных времен в ситуативно актуализированной речи и связанного функционирования форм 3-го лица и форм прошедшего времени в речи ситуативно неактуализированной, например, в эпическом повествовании. Взаимодействие персональности с временн*о*й локализованностью/нелокализованностью особенно четко представлено при функционировании неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций, ср.: *Соловья баснями не кормят.*

Категория лица настолько тесно связана с категорией числа, что в работах по грамматике выделяют в глаголе единую согласовательную категорию лица-числа. Э. Бенвенист также объединяет их под одной категорией, различая «собственно лицо» (=ед. ч.) и расширенное лицо (=множ. ч.) [1]. При этом только 3-е лицо имеет раздельно выраженный морфологический показатель множественного числа, например, русс, *он* (ед. ч.) и *он-и* (множ. ч.); тюрк. *алды* «он взял» (ед. ч.), *алды-лар* (мн. ч.).

С категорией персональности тесно связана категория посессивности. Специфические морфемы или аффиксы принадлежности, а также притяжательные местоимения определяют принадлежность предмета или признака к определенному лицу – говорящему, слушающему или «третьим лицам». Таким образом, семантические связи между категорией принадлежности и категорией лица находят структурно-грамматическое выражением в том, что притяжательные местоимения или аффиксы различаются по лицам, т.е. в них «грамматическая категория лица оказывается особым образом представленной» [2, с. 25]: *мой дом* (русс.); *kirja-si* «твоя книга» (фин.); *ата-м* «мой отец» (узб.) и т.д. Лично-притяжательными аффиксами в некоторых языках также оформляются предикаты (в финском, тюркских, эскимосском, ненецком и др.). В данных языках аффиксами принадлежности при предикате (зависимый предикат, причастия) указывается принадлежность действия к какому-либо из трех лиц. Например: *syödessä-ni* (фин.) «пока я ел»; *батабдаҷ* (кетский язык) «мое вытаскивание этого»; *ылбытым* (якут.) «то, что я взял»; *сөзләримизниҥ* «слова, которые мы говорим» (узб.) и т.д.

Таким образом, категория лица и функционально-семантическая категория персональности представляются как многоруровневые, полифункциональные категории, характеризующиеся множеством проявлений в высказывании. Это подтверждает, что данные категории имеют особую роль в грамматической системе языка.

Список литературы

1. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. **Бондарко А. В.** Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 5-40.
3. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
4. **Есперсен О.** Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 400 с.
5. **Золотова Г. А.** О соотношении грамматического и семантического в структуре предложения // Проблемы синтаксической семантики: тезисы Всесоюзной конф. в МГПИИЯ. М., 1976. С. 311-317.
6. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая росс. энциклопедия, 2002. 709 с.
7. **Маслов Ю. С.** Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
8. **Неймохов Е. П.** Эр киһи уонна дьахтар. Дьокуускай: Бичик, 2010. 384 с.
9. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
10. **Степаненко К. А.** Категория лица в функционально-семантическом аспекте (на материале русского и португальского языков): дисс. … к. филол. н. Калининград, 2009. 184 с.
11. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

CATEGORY OF PERSON AND FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY OF PERSONALITY AS DIVERSIFIED CATEGORIES

Kharabaeva Viktoriya Ivanovna
Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Stabilo.83@mail.ru

The article discovers the specifics of the category of person and the functional-semantic category of personality. The author emphasizes the multi-functionality and diversified nature of these categories, which manifests itself in grammatical and semantic aspects. The category of person is examined not only as a verbal category, the paper also covers its representation in names, infinitives and subject-object relations. The researcher analyzes the functioning of this category in syntactic and semantic-pragmatic aspects, identifies the close relations of the categories of person and personality with other grammatical and functional-semantic categories.

Key words and phrases: category of person; functional-semantic category of personality; nominative category of predicativeness; infinitive; subject-object category; types of sentences; semantic-pragmatic aspect; functional-semantic field.

УДК 394(470.65)
Исторические науки и археология

В статье на примере города Орджоникидзе рассматриваются проблемы обеспечения населения провинциального города продовольствием в 1950-е – 1960-е гг., возникшие в результате непродуманного волюнтаристского реформирования сельского хозяйства. Автор приходит к выводу, что нерешенность вопросов в сфере продовольственного снабжения горожан на протяжении десятилетий служила источником нараставшего социального напряжения, оппозиционных настроений и стала одним из факторов разрушения советской системы.

Ключевые слова и фразы: повседневная жизнь; продовольственная политика; продуктовое снабжение; дефицит; горожане; город Орджоникидзе.

Цориева Инга Тотразовна, к.и.н., доцент
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
tsorin@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В 1950-Е – 1960-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОРДЖОНИКИДЗЕ)©

В современной исторической науке тема повседневности является одним из наиболее разрабатываемых научных направлений. Интерес к жизни простых людей в самых разных проявлениях человеческой обыденности обусловлен не только тем, что позволяет составить более целостную картину эволюции государств и обществ. Изучение этой проблемы важно также с практической и познавательной точки зрения. Оно наполняет историю «живой тканью повествования», дает представление о каждодневных заботах, настроениях и переживаниях обычных людей, позволяет понять мотивы поступков человека в разных жизненных обстоятельствах.

В этом смысле большой интерес представляет советская повседневность конца 1940-х – 1960-х гг., отмеченная многочисленными преобразованиями в общественной жизни страны. Важным событием первых послевоенных лет, оказавшим значительное влияние на умонастроения рядовых обывателей, явилась денежная реформа 1947 г. Она сопровождалась отменой карточной системы и установлением единых государственных розничных цен на промышленные и продовольственные товары. На протяжении 1947-1952 гг. цены на товары массового потребления снижались 6 раз, что при крайне низком уровне материального благосостояния абсолютного большинства населения весьма позитивно воспринималось в обществе.

Жителям небольших городов, подобных столице Северо-Осетинской АССР – Дзауджикау-Орджоникидзе[1], начало 1950-х гг. запомнилось тем, что после «карточного лихолетья» в магазинах при наличии денег относительно легко можно было купить мясо, молоко и даже сливочное масло. Пожалуй, в перечне доступных продуктов «первой необходимости» не хватало только одного – сахара. «Доставали» его по-разному. Иной раз привозили из Москвы, хотя и в столице возникали некоторые трудности с его приобретением. В начале 1950-х гг. Т. А. Хамицаевой, студентке МГУ, пришлось по просьбе родителей обойти 10 магазинов, чтобы купить 5 кг сахара, так как за один раз в одни руки давали не более половины килограмма дефицитного продукта [2].

Важная роль в обеспечении горожан продуктами питания отводилась колхозным рынкам. Они были основными поставщиками картофеля и овощей. На рынках можно было купить кукурузную и пшеничную муку,

---

© Цориева И. Т., 2015

[1] В 1990 г. городу возвращено первоначальное название Владикавказ.